

Litera

Правильная ссылка на статью:

Москвин Г.В. Замысел произведения о Мстиславе Черном как источник сюжета романа М. Ю. Лермонтова «Вадим» // Litera. 2024. № 7. DOI: 10.25136/2409-8698.2024.7.71313 EDN: ZPWNES URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=71313

Замысел произведения о Мстиславе Черном как источник сюжета романа М. Ю. Лермонтова «Вадим»

Москвин Георгий Владимирович

кандидат филологических наук

доцент, кафедра Истории русской литературы, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова

119992, Россия, г. Москва, ул. Ленинские Горы, 1, стр. 51

✉ georgii_moskvin@mail.ru

[Статья из рубрики "Литературоведение"](#)

DOI:

10.25136/2409-8698.2024.7.71313

EDN:

ZPWNES

Дата направления статьи в редакцию:

16-07-2024

Дата публикации:

23-07-2024

Аннотация: Данная статья посвящена изучению замысла произведения о Мстиславе Черном как источник сюжета романа М. Ю. Лермонтова «Вадим». Замысел «Вадима» как эпического по роду произведения формировался в слиянии жанрово-родовых потоков поэмы и драмы (лирика составила внутреннюю, «задушевную» основу романа). Автор предполагает, что «дороманным» вариантом замысла следует считать абрис плана произведения о Мстиславе Черном, помещенный под № 16 в «Планах, набросках, сюжетах» и датируемый 1831 годом по нахождению в тетради XI. И план, и следующий за ним под № 17 «Сюжет», датируемый 1832 годом по нахождению в тетради IV, содержат фабульные, сюжетно-мотивные признаки, а также черты образа предполагаемых героев, которые получат распространение в «Вадиме». Основными методами исследования в данной статье служат сравнительно-сопоставительный,

герменевтический, аксиологический, литературно-исторический и текстологический методы. Новизна статьи объясняется тем, что вопрос о замысле произведения о Мстиславе Черном как источнике сюжета романа «Вадим» подробно рассматривается впервые. Автор утверждает, что в обеих записках содержится прогноз романа, ориентированного на воплощение в разных жанрово-родовых формах: 1-ый набросок – эпического произведения, второй должен был воплотиться в жанре исторической драмы. Оба наброска были написаны в период колебания молодого автора в выборе жанра для совмещения в повествовании о Пугачевском бунте: драмы или романа. В набросках также отразилось намерение юного Лермонтова создать образ современного героя, объединяющего в себе исторический и романтический типы личности. Таким образом, автор приходит к выводу, что замысел о Мстиславе Черном в своих базовых, строевых идеях будет трансформирован в «Вадиме», сомнений не вызывает.

Ключевые слова:

герой Мстислав Черный, Ольга, образ Вадима, замысел Вадима, Лермонтов, драма, поэма, сюжет, жанр, план

Замысел «Вадима» как эпического по роду произведения формировался в слиянии жанрово-родовых потоков поэмы и драмы (лирика составила внутреннюю, «задушевную» основу романа). «Дороманным» вариантом замысла следует считать абрис плана произведения о Мстиславе Черном, помещенный под № 16 в «Планах, набросках, сюжетах» [1, с. 379] и датируемый 1831 годом по нахождению в тетради XI [1, с. 677]. И план, и следующий за ним под № 17 «Сюжет» [1, с. 379–381], датируемый 1832 годом по нахождению в тетради IV [1, с. 677], содержат фабульные, сюжетно-мотивные признаки, а также черты образа предполагаемых героев, которые получат распространение в «Вадиме».

В начале плана представлены герои: «Имя героя Мстислав, — Черный прозвание от его задумчивости, — его сестра — Ольга». Так, в плане указан тип родственных отношений главных героев — брат и сестра, который будет положен в основу любовного конфликта романа. Имя Мстислав семантически перекликается с энергией и духом мщения, которые насыщают образ Вадима. Прозвание Мстислава — Черный, данное ему, как видно из плана, «от его задумчивости», указывает на характер этой задумчивости. В «Вадиме» семантический потенциал слова «черный» как языковой, культурно-исторической и стилевой единицы получит дифференцированное выражение в зависимости от конкретного ракурса характеристики главного героя. К примеру, если речь идет о его характеристике через описание нищих, к социальному состоянию которых он принадлежит, то актуализируется крайняя степень низшего сословия («черный народ — простолюдины, «черная сотня», «новгородское, старинное — низшее сословие» [2, с. 594]). Выделение героя из толпы нищих осуществляется также благодаря актуализации другого значения определения «черный». При описании нищих подчеркивается значение «грязный, нечистый, замаранный»: «Их одежды были изображения их душ: черные, изорванные <...> углубления в лицах казались чернее обыкновенного» (курсив мой — Г.М.) [1, с. 8]. При описании Вадима слово «черный» или муттирует в свой стилевой коррелят «мрачный», отмечая тем самым романтическую тенденцию в создании образа: «Широкий лоб его был <...> мрачен как облако», — или имплицируется в сравнениях и сопоставлениях, побуждая к ассоциации со значением — «нечистый, дьявол, черт». Так,

нищие уважали в герое «демона — но не человека», да и сам герой думает: «...Если бы я был чорт <...> изгнаник рая, соперник Бога». С «черной» стороной образа Вадима связана и его жажда смертельной мести и убийства (нечаянное и намеренное), и раздвоенность веры («...Он верил в Бога — но также и дьявола!»). Небезынтересно также вспомнить и слово «чернец» (в плане указана и сюжетная перспектива развития образа — «после паломника»); образ чернеша встречается в лирике Лермонтова (например, баллада «Гость», в которой мотивы изменения любви и смерти, как и в «Вадиме», являются основными) и в его поэмах. Наконец, имя Ольга, попавшее в роман, казалось бы, по литературной традиции, указывает на «сквозную» творческую мысль автора, выразившуюся в назывании своей героини.

Далее «Мстислав три ночи молится на кургане, чтоб не погибло любезное имя России». Соотносимый с этим фрагментом плана лирический «Отрывок» («Три ночи я провел без сна — в тоске...») содержательно совпадает с развитием линии главного героя в «Вадиме». Идея, выраженная в словах «чтоб не погибло любезное имя России», в тексте романа не находит места, поскольку было изменено историческое содержание произведения (от нашествия татар к Пугачевскому восстанию). В переломной IX главе «Вадима» обнаруживаются словесно-образные переклички с планом произведения о Мстиславе («Вдали одетые туманом курганы, может быть могилы татарских наездников»); следующий пункт плана («Поместить песню: печальную, о любви или Что за пыль пылит») также находит отклик в романе — надо полагать, что и печальная песня о любви, и народная песня о пленах татарском, записанная Лермонтовым в 1830 году и подвергшаяся некоторой литературной обработке [3, с. 370] получают определенную сюжетную функцию, сигнализируя о будущих переменах, или на уровне единичного образа («...Серая пыль клубилась за простою кибиткой;.. «Не к нам ли?» — подумал Вадим... непонятное предчувствие как свинец упало на его душу»), или в печальной песне Ольги («Воет ветер, / Светит месяц: / Девушка плачет — / Милый в чужбину скакет»). Описание Ольги и ситуация встречи с братом из плана («Ольга молодая, невинная, ангел... <...> Входит брат ее...») совпадает словесно и по ситуации с подробным описанием в III главе «Вадима» («Сидела молодая девушка... Это был ангел... <...> Взошел безобразный нищий»).

Итак, факт, что замысел о Мстиславе Черном в своих базовых, строевых идеях будет трансформирован в «Вадиме», сомнений не вызывает. Может вызвать сомнение другое: правомерно ли говорить о Мстиславе Черном как о поэмном замысле. Действительно, следующий за наброском плана «Сюжет» представляет собой «развернутый план драмы, замыслу которой посвящен и предыдущий набросок. По-видимому, драма намечалась на 5 актов и 10 сцен» [1, с. 677]. Б.Т. Удодов пишет по этому поводу: «Лермонтов намеревался писать трагедию, а не поэму и даже не драматическую поэму» [4, с. 91]. Аргументом к этому положению является не только очевидная драматическая структура «Сюжета». Замыслу о Мстиславе Черном сопутствуют по времени наброски драматургических произведений (трагедия «Марий, из Плутарха» (№ 10), заметка на память: «прибавить к «Странному человеку» еще сцену» (№ 11), намерение написать трагедию о Нероне (№ 15)), или замыслы произведений неопределенной жанровой перспективы («При дворе князя Владимира был один молодой витязь» (№ 12), «Программа» (№ 18), «Монах впоследствии сидит у окна...» (№ 20)). Даже сжатый план поэмы «Ангел смерти» можно рассматривать в русле драматургического поиска раннего творчества Лермонтова, если принять во внимание, что повествование в поэме «Азраил», развившейся в поэму «Ангел смерти», перебивается драматургическими вставками. Перечисленные наброски, планы и сюжеты находятся в тетрадях XI (1831) и

IV (1832) и охватывают период времени, предшествующий активной работе над «Вадимом» и совпадающий с ее началом.

Между тем для решения вопроса о возможном жанре произведения о Мстиславе Черном полезно, на наш взгляд, обратить внимание на разделенность по времени составления наброска плана (конец 1831 г.) и «Сюжета» (предположительно первые месяцы 1832 г.). «Сюжет», как было отмечено, составлен, очевидно, по драматургической схеме, а набросок плана содержит в себе признаки будущей поэмы: «пункты» плана не связаны событийными мотивировками, т.е. они указывают не на сюжетную последовательность действий, а на поэмный принцип, при котором глубинная тема произведения находит воплощение в разных, подчиненных лирической доминанте жанровых ракурсах. Так, первый пункт плана предполагает представление героев в конкретной ситуации; второй и третий насыщены лирико-песенной стихией; далее следует первый событийный эпизод — встреча брата и сестры, основным содержанием которого являются описание Ольги и впечатление Мстислава; затем намечается коллизия, при этом главная ее цель показать не столько внешнее положение вещей, сколько принятие героя внутреннего решения, и, наконец, последний пункт указывает на решающий и заключительный эпизод поэмы — битву и гибель князя Василия (здесь заметна связь и с поражениями славян в поэме «Последний сын вольности» (1831 г.), и с народно-песенным переживанием поражения и плена в песне «Что в поле пыль пылит» (1830 г.), и с «Балладой» «В избушке позднею порою...» (1831 г.).

Наблюдения над разной жанровой перспективой воплощения произведения о Мстиславе Черном — поэма и драма — позволяют проследить процесс формирования лермонтовской прозы в самом существенном аспекте эволюции его творчества — жанрово-стилевом. Казалось бы, рассмотренный выше случай изменения жанра, в котором должен был осуществиться замысел, убеждает в следующей последовательности смены жанров на пути к прозе: от поэмы к драме, — тем более, что и по времени замысел поэмы предшествовал замыслу драмы, однако при всей наглядности проявления отмеченной тенденции необходимо допустить, что сам этот творческий эпизод может носить единичный и даже случайный характер. Из этого следует, что представлять «движение» жанров в последовательности от лирики к поэме и далее к драме, хотя и соблазнительно, но неверно. Во-первых, создание произведений разных жанров было у Лермонтова единым и совмещенным во времени творческим процессом, если не учитывать естественное для поэта «лирическое опережение» его текстов в начале творчества. Во-вторых, выбор того или иного жанра определялся его предрасположенностью, или способностью, к выражению темы. Таким образом, характерное для раннего творчества Лермонтова жанровое разнообразие объясняется поиском возможного адекватного способа выражения той или иной темы, и этот поиск осуществлялся вовсе не в последовательном выключении непригодных жанровых форм — напротив, лирика, поэма и драма компенсировали в едином творческом акте свои слабые места, дополняли друг друга. Именно слияние жанрово-стилевых потоков привело к неизбежности прозы, в лермонтовском случае — романа, той жанровой формы, которая способна вобрать в себя эти потоки. Высказанное соображение может служить подтверждением мысли, что лермонтовское творчество развивается «прозаическими волнами».

Первая такая «волна» — роман «Вадим». Задуманное же произведение о Мстиславе Черном представляет собой уникальную иллюстрацию строительства романа Лермонтовым, уникальную потому, что замысел не обрел определенную жанровую форму, а выразился в процессе ее выбора: лирическое произведение («Три ночи я

провел без сна...», «Ветер гудет...»), народная песня («Что в поле пыль пылит»), поэма (набросок плана — «Имя героя Мстислав»), драма («Сюжет»). В результате каждая жанровая перспектива нашла в «Вадиме» свое воплощение, но ни одна не получила доминирующей роли, потому что только романная форма могла их объединить, тем самым развивая их возможности и компенсируя их невозможности.

Лирические произведения поэта не могли быть конкретно-историческими в своей основе, поскольку определяющими для их содержания были вынесенные за пределы реального времени переживания и состояния лирического героя (другими словами, они были в контексте времени, но вне реального времени). Лирический герой представлял «задушевную» и концептуальную правду авторского образа» [\[5, с. 103\]](#) и был наделен «сюжетной характеристикой (благодаря связности и последовательности представления любовной истории в ранней лирике — Г.М.), которую все же не следует отождествлять с характером» [\[6, с. 157\]](#). Поэтому связь ранних поэм Лермонтова с «Вадимом» нужно рассматривать прежде всего с позиций их *сюжетного взаимодействия*, а также в связи с *проблемой характера героя*. Документальных свидетельств о том, почему Лермонтов оставил свой замысел о Мстиславе Черном невоплощенным не имеется, — можно, тем не менее, констатировать, что он представляет собой последнюю (перед работой над «Вадимом») попытку создать произведение на материале русского Средневековья, т.е. на исторической основе. К этим попыткам следует отнести фрагмент ненаписанной поэмы «Олег» (датируется 1829 годом), законченную поэму «Последний сын вольности» (датируется предположительно первой половиной 1831 года). Историческое время обеих поэм объединяют образы Олега, преемника Рюрика («Олег») и самого Рюрика («Последний сын вольности»). Перспектива событийного сюжета в «Олеге» неясна, и остановка работы над ним может быть объяснена тем, что в произведении не намечен конфликт. Вернее, он начинает намечаться в третьем варианте засина (собственно весь набросок поэмы и представляет три варианта засина): «И он искал на греков мести <...> Но что замедлил князь Олег / Свой разрушительный набег?» По-видимому, автор колеблется в выборе исторического фокуса конфликта, поскольку в «Олеге» можно выделить три исторических времени: дорюриковский период («Во мгле языческой дубравы / В года забытой старины»), время князя Олега и время князя Игоря. Контаминация двух последних времен происходит под влиянием художественных целей Лермонтова, т.е. потребности избрать героя, превосходящего всех по масштабу личности, героике образа и драматизму судьбы (зависимость выбора такого героя от пушкинской «Песни о Вещем Олеге» безусловна), с одной стороны, и расширить деятельностное поле конфликта личности с окружающим миром — с другой. Думается, именно с этим связана причина исторической неточности, допущенной Лермонтовым дважды, — переносом набегов печенегов из времени князя Игоря в поэму об Олеге: «Пред кем (в третьем варианте — «пред ним») дрожали печенеги». Значимым мотивом в обрисовке героя является также его «трактовка <...> как мстителя» [\[7, с. 317\]](#).

Очевидно, что Лермонтов ищет историческое время и ситуацию, которая должна оказаться адекватна возвышенной, героической личности, цельной по призванию и деятельности. Иначе говоря, Лермонтов не разыскивает такую личность в истории, а приближает историю к своей потребности выражения идеала личностного бытия, в чем, собственно, и состоит истинное стремление романика. Высказанное соображение подтверждается текстом «Олега»: поэт призывает к должному отношению к местам «языческой дубравы» («Пришелец чуждый, в наши дни / Не презирай сих мест: они / Знакомы были вдохновенью!..») и утверждает свою душевную связь с героями прошлого («Я зрел их смутною душой, / Я им внимал неравнодушно. / На мне была тоски

печать, / Бездействием терзалась совесть»). Очевидна также тенденция к совмещению героико-романтической личности героя с национальной идеей, при этом в основе национальной идеи лежит не столько дихотомический архетип «свое — чужое», сколько идея свободы (вольности). Так, свобода личности у Лермонтова становится синонимом свободы нации, а герой — личностью, по масштабу со-объемной целому народу. Эта тенденция получила развитие в поэме «Последний сын вольности», в которой герой — Вадим Новгородский — к концу остается единственным, кто сопротивляется Рюрику и новому порядку. Показательно, что идея свободы все более концентрируется, собирается в образе Вадима по мере того, как редеет круг защитников вольности (сначала Новгород, затем 30 юношей, далее 6 юношей и старик Ингелот и, наконец, Вадим и Ингелот). В «Последнем сыне вольности» Лермонтов выбирает точный для выражения идеи героико-романтической личности исторический ракурс: происходит смена эпох (вольность для славян сменяется рабством), и герой выступает как защитник прежнего времени. Однако он по неумолимому закону сам становится ушедшей эпохой, поскольку смена уже произошла, и мы оказываемся свидетелями парадоксальной ситуации, когда герой, воплощающий собой весь народ, его идею и свободу, отчуждается от народа и в своей невостребованности («Под ним спит последним сном, / С своим мечом, с своим щитом»), и в народной памяти («Забыт славянскою страной, / Свободы витязь молодой»). Небезынтересна также трансформация мотивов в поступках героя: из защитника он превращается в мстителя. Вероятно, романтический мотив одиночества в произведении, создаваемом на исторической сюжетной основе, наибольшей выразительности достигает именно в описанной ситуации, т.е. когда сменяются времена, и герой воплощает собой время уходящее и сохраняет верность своему идеалу (в нашем случае — вольности) безотносительно к тому, востребован этот идеал или нет. Заметим, что в «Песне про царя Ивана Васильевича...», во многом выросшей из «Последнего сына вольности», Калашников остается в памяти народной — хотя могила его и безымянна, каждый проходящий чувствует свою причастность русскому духу героя. В поэме о Вадиме Новгородском разрыв между личностью и действительностью (в данном случае — исторической) является стилевым сюжетоорганизующим признаком, характерным для всего раннего творчества Лермонтова. Этот разрыв чаще всего проявляется как неистовое по выражению и форме протекания столкновение с действительным миром. Причиной тому, на наш взгляд, является не только стилевая романтическая доминанта современной юному Лермонтову литературы, но и общая для романтизма в целом и отдельного художника в частности проблема дифференциации действительности. В случае Лермонтова следует принимать во внимание еще и феномен столь раннего интеллектуального и художественного развития его личности — феномен, определивший Я-центричность лермонтовского творчества. Отсюда и историческая действительность как сюжетная основа произведения выглядит своего рода «приложением» к сюжету самообнаружения личности, стирается и даже уходит в фон, как это происходит в «Литвинке» или начатой, но не развившейся поэме «Два брата». Разумеется, историческую основу «Олега» и «Последнего сына вольности» нельзя назвать фоном, но она присутствует параллельно сюжету личности и может восприниматься как дополнительная тема в составе произведения. Расщепленность исторического и личного бытия в художественной рефлексии автора требовала, прежде всего, восстановления «связи времен» как устранения догматического противопоставления истории и жизни. Показательно, что эпиграфом к «Последнему сыну вольности» Лермонтов берет строку из «Гяура» Байрона: «When shall such hero live again?» (Когда будет такой герой жить опять?). Интересен смысловой фокус этой цитаты: дело не столько в «таком герое» (он есть историческая данность), а в том, когда он «будет жить опять». Так обнаруживает себя потребность

художника в современном герое, т.е. в создании героического образа в жизни — образа, психологически ассоциированного с собой, живущим здесь и сейчас.

Замысел о Мстиславе Черном становится, таким образом, переходным этапом в процессе, когда поэма, построенная на исторической сюжетной основе, обогащаясь драматургическим действием («Сюжет» к замыслу о Мстиславе Черном), поглощается романским замыслом и романной формой.

Библиография

1. Лермонтов М. Ю. Сочинения: В 6 т. / АН СССР. Ин-т рус. литературы (Пушкин. дом). М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1957. Т. 6. – 900 с.
2. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. СПб.-М.: Изд. М.О. Вольф. 1882. Т.4. – 704 с.
3. Лермонтов М. Ю. Сочинения: В 6 т. / АН СССР. Ин-т рус. литературы (Пушкин. дом). М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1954. Т. 2. – 388 с.
4. Удодов Б. Т. М. Ю. Лермонтов. Художественная индивидуальность и творческие процессы. Воронеж: Изд-во Воронежского университета, 1973. – 705 с.
5. Роднянская И. Б. Герой лирики Лермонтова и литературная позиция поэта // Известия АН СССР. Серия литературы и языка. 1980. Т. 39. № 2. С. 103–115.
6. Гинзбург Л. Я. О лирике. М.; Л.: Сов. писатель, 1964. – 382 с.
7. Лермонтов М. Ю. Сочинения в шести томах. М.; Л.: Изд-во АН СССР. 1955. Т. 3. – 326 с

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Статья «Замысел произведения о Мстиславе Черном как источник сюжета романа М. Ю. Лермонтова «Вадим»» обращена к возможной предыстории первого прозаического произведения Лермонтова, которое осталось незаконченным.

Автор статьи доказывает, что замысел о Мстиславе Черном является «дороманным вариантом замысла» «Вадима». Основанием для данного вывода становятся «фабульные, сюжетно-мотивные признаки, а также черты образа предполагаемых героев, которые получат распространение в «Вадиме»». Так, автор отмечает совпадение имен героинь замысла и романа, их родственную связь (герои являются братом и сестрой), тему мести как сюжетообразующую. Особо стоит отметить анализ эпитета «черный», который относится к главным героям. В замысле – это прозвище героя, раскрывающее его характер и указывающее на тип его задумчивости. В «Вадиме» эпитет «черный» не раз возникает в связи с главным героем, но каждый раз получает разные смыслы и «дифференцированное выражение в зависимости от конкретного ракурса характеристики главного героя». Так реализуется разная семантика эпитета: это и грязь, нечистота, и цвет монашеских одежд, и мысли (автор показывает, как слово «черный» мутит в «мрачный»). Кроме того, автор статьи выявляет другие словесно-образные переклички: это и особенности пейзажа (курганы, туман), и песенные вставки. Однако главным становится вопрос о жанровой перспективе замысла о Мстиславе Черном. Автор статьи вступает в полемику с теми учеными, которые говорили о данном наброске как поэмном замысле. Аргументами, подкрепляющими сомнение, выступают и сюжетно-образные переклички, о которых шла речь выше, но также и контекст рукописи, соседство данного замысла с другими – не поэмными, а драматическими. Не менее

важным фактором становится и хронология: набросок плана датируется концом 1831 г., «Сюжет» - предположительно первыми месяцами 1832 г.

Изучение жанровой перспективы замысла о Мстиславе Черном, по мнению автора, «позволяют проследить процесс формирования лермонтовской прозы в самом существенном аспекте эволюции его творчества — жанрово-стилевом», показать, как осуществляется поиск эпохи, адекватной героической личности, или, как сказано в работе, Лермонтов «приближает историю к своей потребности выражения идеала личностного бытия». Таким образом, В данной статье впервые в лермонтоведении осуществлен комплексный анализ замысла произведения о Мстиславе Черном, выявлен его творческий потенциал, разработана концепция эволюции прозаических замыслов Лермонтова (поэма – драма – роман) на историческую тему.

Выводы автора статьи убедительны и аргументированы. В работе последовательно выдержан научный стиль. Материалы будут использованы в вузовском преподавании, при издании произведений Лермонтова.

Статья рекомендуется в публикации.